

РАСКАЗЫ

ЛЕЙЛА ОСМАН

ПРОДАЕТСЯ...

С высоты пятого этажа перекресток казался ей спрутом с множеством судорожно дергающихся красно-желтых щупалец.

Вечерело, улицы изнемогали и задыхались от нескончаемого потока автомобилей, от густой обволакивающей духоты. То и дело возникали пробки. Пешеходы сновали среди натужно гудящих машин - на сигналы уже никто не обращал ровным счетом никакого внимания. Вот одной из них посчастливилось продвинуться на метр вперед, и другие тут же бросились вслед за ней, включив на всю мощь сирену, словно взывая о помощи и сострадания.

Стоя у окна, она, не отрывая глаз, следила за маленьким сынишкой, который подбегал то к одной машине, то к другой, предлагая жевательную резинку. Уличный шум - автомобильные гудки, человеческие голоса - доносился до нее могучим гулом, в котором ничего нельзя было различить.

Защитившись от бензиновой вони плотно закрытыми стеклами, люди в машинах не желали замечать мальчика - что им до него, до его хлеба насущного. А вот этому он, видно, надоел... Опустив стекло, взрослый мужчина что-то крикнул мальчишке и плюнул в его сторону. С пятого этажа ей было видно, как слезы обиды потекли по детским щекам.

В доме напротив высунулась из окна хорошенькая молодая женщина. Чуть-чуть наклонившись, кому-то игриво погрозила пальчиком. В окне соседнего дома, этажом ниже, появился тот, кому предназначался этот знак, - высокий молодой человек. Улыбнулся в ответ и, приложив руку к губам, послал воздушный поцелуй во влажную, тяжкую духоту сгущающихся сумерек.

Из ресторана на правом углу перекрестка потянуло ароматом жареного мяса. Женщина, следившая за мальчиком, невольно скосила глаза в ту сторону. Внимание ее привлек толстяк высокого роста, с огромным животом, который тяжело, неуклюже выбрался из-за столика и, подойдя к выходу, стал неторопливо, этаж за этажом, обзирать дом напротив. Задержал взгляд на молодой женщине в окне, увидел мужчину, посылавшего воздушный поцелуй, и чему-то усмехнулся.

А мальчик тем временем с коробкой жевательной резинки продолжал шнырять среди потока машин, предлагая свой нехитрый товар. Наконец кто-то сжалился над ним - из машины высунулась рука и протянула деньги.

- Ну, слава богу, моему сынку сегодня повезло. Аллах смилостивился над ним, разжалобил людские сердца! - обрадовано вздохнула женщина, продолжая наблюдать за всем, что делается на улице.

Погас свет в квартире молодой красотки, сразу же погас свет и в окне ее соседа. Толстяк еще немного потоптался у входа и вернулся за свой столик.

Вскоре красавица вышла из подъезда. Стройная, тонкая, длинные волосы распущены, на плечах широкая цветная шаль. Не прошло и минуты, как на улице появился мужчина - тот самый, что слал ей воздушные поцелуи, - щеголевато одетый, с аккуратно подстриженными усиками. Широко шагая, догнал свою соседку, взял ее под руку, и они исчезли за углом. Толстяк уже не обращал на

них внимания - он был занят едой. Мальчик по-прежнему кружил среди машин, предлагая тем, кто парился в своих роскошных лимузинах, дешевую жевательную резинку. Его мать слезно молила Аллаха вызвать у людей сострадание к сыну.

Постепенно улица стихла, растворился в вечернем воздухе запах жареного мяса. Лениво, с неохотой стали покидать кафе его завсегдатаи. Пришел домой мальчик, повеселевший, довольный, - в кармане у него побрякивало несколько серебряных монет. Но его мать по-прежнему не отходила от окна - ей хотелось дожидаться возвращения молодой парочки.

В окне, из которого раньше выглядывала красотка, вдруг возник силуэт толстяка. Спустя некоторое время к дверям дома подкатил дорогой автомобиль - кабриолет с откидным верхом. Вышла женщина, та самая, возвращения которой с нетерпением ждал толстяк. За ней на тротуар шагнул ее спутник. Он что-то приказал шоферу-индийцу и, удержав свою подругу за локоть, вручил ей небольшой сверток. Красотка скрылась в подъезде.

За спиной толстяка вспыхнул яркий свет, и мать мальчика увидела их рядом - неуклюжего тучного мужа и его красавицу жену. Он, конечно, видел все: и встречу, и расставание, и шикарный автомобиль, и спутника своей супруги, и пакет, который тот дал ей... Теперь этот пакет она с довольным видом протягивала толстяку. Он бросился к ней, облапил и стал осыпать горячими поцелуями. Потом он вскрыл пакет, лицо его засветилось радостью. С удивительной для его дородности живостью он снова кинулся к жене и опять принялся обнимать и целовать ее. Вскоре свет в их окне погас, и в темноте южной ночи больше ничего не было видно.

Подойдя к постели сына, мать погладила его по головке и, в который раз пересчитав его дневную выручку, вознесла мольбы Аллаху, чтобы он и назавтра не обошел ее мальчика своей милостью.

ОТЪЕЗД

Сидя на корточках, она укладывала вещи в железный сундук. Он подошел к ней и ласково положил руку ей на плечо:

- Ты скоро закончишь, Умм Хаджран?

- Не знаю, Абу Хаджран! Никак не могу решить, что с собой взять.

Абу Хаджран опустился на корточки рядом с женой, увидел в сундуке охотничье ружье, и у него болезненно сжалось сердце.

- Зачем оно нам? - спросил он, вытаскивая ружье из сундука. Пусть как висело, так и висит на стене. Стоит ли рисковать?

Умм Хаджран села на пол, давая отдых затекшим ногам. Глаза ее были печальны.

- Как же так, Абу Хаджран? Ведь это ружье нам подарил твой отец. Оно всегда было с нами.

- Ружье нам не понадобится. Поэтому и брать его не стоит. Умм Хаджран вздохнула:

- Кто знает, понадобится или нет!

Вдруг взгляд Абу Хаджрана упал на второй железный сундук, в другом углу, и он усмехнулся:

- А там что?
 Умм Хаджран быстро вскочила, подбежала к сундуку, забралась на него и решительно заявила:
 - Клянусь Аллахом, Абу Хаджран, головой своей клянусь, все, что здесь лежит, я возьму с собой.
 Абу Хаджран рассмеялся.
 - Ладно, только скажи, что там хранится?
 - Дорогие мне вещи!
 - Какие? Может, они и мне дороги?
 - Не скажу! Достаточно того, что они мне дороги!
 Абу Хаджран подошел к жене и сел рядом.
 - Послушай, разве я не должен знать, что мы с собой возьмем?
 - Должен, - ответила жена и неуверенно добавила:
 - Просто я боюсь, что ты эти вещи выбросишь.
 - Зачем же выбрасывать? Я только посмотрю.
 Абу Хаджран легонько отстранил жену, открыл крышку, и на его лице отразилось удивление.
 Жена умоляюще на него посмотрела:
 - Этими кастрюлями я очень дорожу. Их подарила мне к свадьбе мама. Сейчас таких не найдешь - они сделаны из чистой меди. А вон в том старом котле мать кипятила белье моего отца, а я кипячу твое. Серебряные ножи и ложки достались мне от матери. А вот это ... игрушка нашего Хаджрана...
 Умм Хаджран заплакала:
 - Я потеряла сына, так неужели ты хочешь, чтобы я лишилась и всего этого?
 - Не вспоминай об этом, прощу тебя! Но все эти вещи можно купить, когда мы приедем на место. Зачем же тащить их с собой?
 - Таких ты не купишь.
 Она достала шкатулку с серебром и поднесла ее к самому носу мужа:
 - Есть, конечно, вещи лучше и дороже этих, но таких - нет. Они же старинные!
 - А это что?
 - Книжки. Те самые, которые ты так любишь перечитывать.
 - Но ведь книг везде полно, в любом месте.
 - Таких нету! - воскликнула Умм Хаджран.
 Терпение Абу Хаджрана иссякло. Он сел на стул, обхватил голову руками и уставился на голый пол.
 - А ковер где?
 - Вон там!
 Абу Хаджран посмотрел в угол комнаты, куда указывала жена, и увидел свернутый, перевязанный веревкой ковер.
 - Ради Аллаха, не бери с собой ковер!
 - Обязательно возьму! А внутри там наше шерстяное одеяло.
 Абу Хаджран встал и резко сказал:
 - Ты собираешься так, словно мы уезжаем из нашего дома навсегда.
 - Кто знает? Может тебе на чужбине понравится. Как же я могу оставить здесь ценные вещи?
 - Родная, мы уезжаем самое большое на год. Пойми, только на год. Может нам повезет, и мы хоть немного накопим и тогда сможем выкупить землю, которую пришлось продать.
 Слезы заструились по лицу Умм Хаджран.
 - Ты говоришь: на год, а может на всю жизнь. Кто знает?
 Абу Хаджран покачал головой:
 - Почему ты не веришь мне?
 - Я верю. Но не все от тебя зависит.
 И Умм Хаджран быстро вышла в другую комнату.

Всю ночь Умм Хаджран ворочалась в постели, и Абу Хаджран тоже не спал. Ему вдруг пришла в голову нелепая и страшная мысль, что жена может умереть этой ночью. Может быть, она даже хочет умереть. А если не хочет сегодня, захочет завтра.
 Между тем Умм Хаджран твердо решила не ехать. Она вздохнула, сбросила одеяло.
 - Что с тобой?
 - Мне душно. И тяжело.
 Абу Хаджран повернулся к жене, приподнялся и шепнул ей на ухо:
 - Тебя что-то тревожит?
 - Да.
 - Что же?
 - Я думаю, что лучше поехать тебе одному, а я останусь. Год - это не так уж долго. Я буду ждать.
 - Нет, я тебя не оставлю одну.
 - Почему же одну? У меня здесь родственники, я в своем городе. Чего мне бояться?
 - Кто знает? Может год, а может и больше, - вырвалось у Хаджрана.
 Умм Хаджран вздрогнула и похолодела от страха. Сердце болезненно сжалось.
 - Вот видишь! - она села в постели. - Ты сам точно не можешь сказать. - А вдруг на чужбине будет не так уж плохо, и ты там надолго останешься, накопишь денег, сколько захочешь. Верно я говорю?
 - Дорогая, ну как может понравиться на чужбине человеку, который любит свою землю? Поверь мне: только на год. Давай попытаем счастья!
 - А наш дом?
 - Что дом? Никуда он не денется.
 - А ты уверен, что сюда не залезут воры, которыми кишит город?
 - Ах, да, совсем забыл тебе сказать об одном деле.
 Умм Хаджран насторожилась и всем телом подалась вперед:
 - О каком деле?
 Абу Хаджран взъерошил волосы, затем пригладил их и ответил:
 - По правде говоря, Умм Хаджран, я не хочу, чтобы дом пустовал. Кроме того, надо ухаживать за розами, хной, жасмином. Поэтому я договорился с Мусой, он будет жить у нас...
 - Да, Муса.
 Абу Хаджран знал, что жена недолюбливает Мусу, и все же спросил:
 - Ты недовольна?
 - Конечно, недовольна. Муса - бездельник и пришел неизвестно откуда.
 - Напрасно ты так, Умм Хаджран, Муса - парень хороший, толковый, работающий, люди его ценят. Даже городские торговцы поручают ему кое-какие дела. Некоторые даже доверяют деньги. А откуда он родом, не так уж и важно.
 - Все, что ты говоришь, верно. И все-таки я не хочу, чтобы он жил в нашем доме. Здесь наша мебель, вещи.
 - Ну и что? Все будет цело. Он принесет свою постель и кое-что из вещей. Жить будет в той комнате, которая на восточной стороне. Как-никак присмотрит за домом. И все.
 - Хоть на восточной стороне, хоть на западной, все равно я категорически против.
 - Но, Умм Хаджран, он еще и за садом будет ухаживать, не даст ему зачахнуть.
 - Не хочу, чтобы в нашем доме жил этот бродяга, - стояла на своем жена. - Не люблю я его. И лицо его мне не нравится.

- Ну уж лица его ты во всяком случае не увидишь.
Умм Хаджран замолчала, а потом вдруг решительно заявила:

- Ружье я возьму с собой. Не оставлю здесь, ни за что. Вдруг Муса взбредет в голову им воспользоваться. Абу Хаджран рассмеялся, ласково провел рукой по лицу жены:

- Не бойся. У него есть свое ружье и пистолет впридачу.

- Ну и пусть. А наше ружье я возьму с собой!

Абу Хаджрану понравилось упорство жены, и он поцеловал ее в обе щеки.

Но Умм Хаджран никак не могла успокоиться. Ей так хотелось еще раз пройтись по дому, предаться воспоминаниям. Слезы навертывались ей на глаза, когда она не могла вызвать в памяти образ Хаджрана, который ускользал, как несбыточная мечта.

Она обвела взглядом комнату и прошептала:

- До чего же тяжело покидать родной дом, но ничего не поделаешь, таково желание мужа!

***

- Я буду по вас скучать! - со слезами на глазах произнесла Умм Хаджран.

- И мы по вас тоже, - отозвались односельчане. - Напишите, как только устроитесь.

Подкативший к горлу комок помешал Абу Хаджрану ответить, и он лишь кивнул головой.

- Пишите почаще, а то мы будем волноваться, - крикнул Абу Шарара, бакалейщик.

- Напишем, Абу Шарара! Только чего тебе волноваться, за нашим домом тебе не надо присматривать.

- За домом-то не надо, а вот за Мусой придется. Вообще-то...

Абу Хаджран сделал бакалейщику знак замолчать, но тот договорил до конца:

- ...странно, что ты доверил дом чужаку. Мог бы меня попросить.

- Ничего, Абу Шарара. Мне просто не хотелось обременять соседней лишними хлопотами. А Муса сделает все, как надо.

Односельчане по цепочке передавали в машину вещи Абу Хаджрана. Женщины без конца утирали слезы и дарили на прощанье подарки, кто - поднос, кто - яркую искусственную кисть винограда, кто - красивую картинку.

- Это тебе на память, Умм Хаджран. Не забывай своих подруг. Когда вещи были сложены в кузов и Абу Хаджран

сказал, что надо садиться в машину, Умм Хаджран открыла было дверцу, но вдруг спохватилась:

- Я забыла ключ от дома!

- Какой еще ключ? Зачем он тебе? - с тяжелым вздохом спросил Абу Хаджран.

- Да ты сам подумай. Вдруг мы вернемся домой неожиданно, а Мусы дома не будет. Не на улице же нам ночевать?

- Как ты можешь такое говорить, Умм Хаджран, - вне себя от обиды воскликнул Абу Кифах. - Да в любом доме ты будешь хозяйкой, а мы - твоими гостями!

Умм Хаджран печально покачала головой и подошла к Мусе, стоявшему с отрешенным видом.

- Дай мне один ключ!

Муса как-то странно улыбнулся, достал связку ключей и один отдал Умм Хаджран. Она прижала ключ к груди, спрятала его и облегченно вздохнула.

Абу Хаджран завел машину и позвал жену, но она вдруг пошла к дому, молча взяла горсть земли, завернула в листок бумаги и спрятала вместе с ключом.

После этого она быстро пошла к машине, еще раз с грустью посмотрела на дом, на кусты жасмина, которые несколько месяцев назад посадила, на цветущую хну. Задержала взгляд на зеленых окнах своей комнаты. Аромат цветов проникал, казалось, в самую душу. Соседи просили почаще писать, но Умм Хаджран ничего не слышала, поглощенная своими мыслями.

Затем она позвала Мусу.

Тот подошел, по-прежнему отрешенно глядя на Умм Хаджран.

- Смотри, хорошенько ухаживай за садом. В доме убирай. А наши кувшины, тарелки и прочую утварь не трогай. Лампочку у входа не гаси, пусть горит до утра. Не забывай делиться виноградом с соседями - мы всегда так делали. А еще...

Она не договорила - машина тронулась с места.

Все это время Муса стоял неподвижно, выслушивая указания, которым, казалось, не будет конца. Но вот Умм Хаджран села в машину, помахала рукой соседям. Затем в последний раз обвела взглядом дом и уже на ходу крикнула:

- Ухаживай за хной, Муса, за мимозой, за жасми-и...

***

Вечером Муса заменил замки в дверях и все переставил в доме по-своему.

*Перевел с арабского
В.Э. Шагаль*

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАСМИИ»*

ЛЕЙЛА ОСМАН

ВАСМИЯ-«КОНОПУШКА»

Ее звали Васмия. Смуглянка с лицом, испещренным желтенькими песчинками веснушек. Звездочка, сверкающая на темном бархате неба вечерней порой, наполненной нежными, лирическими песнями Малида и звонкими детскими голосами. «Трещотка и болоболка».

* Перевод по: *Лейла Осман*. Васмия тахрудж мин аль-бахр. 1-е изд. Эль-Кувейт: Ширка р-Рабиан ли-н-нашр ва-т-тавзия, 1986.

Плеск воды в потоках, струящихся по узким улочкам.

Васмия...

Моя первая любовь. Правда, она недолго жила в нашем районе, в том, старом. Где нынче этот старый город? Все развеяно во имя цивилизации и прогресса. Небоскребы убили наше детство, рассеяли его радости. Стерты послания, написанные на стенах то угольком, то красками. Послания, наполненные кровью сердца, о которых знали лишь те, кто писал и кому писали.

Все уничтожено: большие дворы, каждое утро утопавшие в снопах солнечного света, трепещущего на веках и пробуждающего людей, погруженных в нежные объятия мягких постелей. Нет больше коров и овец, сонно посапывавших в своих стойлах. Они тоже просыпались от солнечного света и начинали блять и мычать, требуя скорее накормить их после ночи и освободить от бремени, отягочавшего их вымя. Где те старые, добрые времена?.. Все разрушено: нарушено течение привычной жизни, нарушен размеренный ход дней, проходивших в обычной и бесконечной работе. Хозяйки начинали ее на кухне, продолжали в хлеву или у очага, выпекая хлеб. В это время старухи сидели у стен, вознося хвалу Аллаху и взывая к нему; или играли с малышами, временами вскрикивая, когда их одежда оказывалась «украшенной» детскими «нежданчиками».

Жизнь была жизнью. Мы чувствовали ее всеми фибрами: и когда выходили на большую улицу и бежали по ней наперегонки до самого конца, чтобы первыми быть возле Умм Али, сидевшей на корточках на сырой земле и продававшей горячую похлебку. И когда широко открытыми глазами внимательно смотрели, сколько половников она нальет, а затем бросали ей в металлическую плошку пару грошей, которые с веселым звоном падали на дно.

Мы уносили обжигавшую руки похлебку, и пар, поднимавшийся от нее, щекотал наши ноздри. Шли тихо и уже все вместе возвращались домой. Кто-то нес только что испеченный в печи горячий хлеб - ноздреватые, пышущие жаром, дышащие «пузыри». Они возбуждали аппетит, и один из нас обязательно выхватывал у несущего одну из лепешек. Мы делили ее между собой, проглатывали, затем еще и еще... И было совершенно не важно, что после наши обожженные губы разбухали как от острого красного перца, а на колени сыпались горячие крошки.

Тихая, спокойная жизнь. Ясные и понятные чувства. Жизнь, полная любви, милосердия, дружеского общения. Все было стерто, развеяно. Исчезли неповторимые черты этой прежней жизни. Новый город наступал на нас, и наш родной дом затерялся и пропал в нем.

Где он теперь? Уже забылось, каким он был?

И где дом Васмии? От него осталось лишь это дерево. Машины разрушили стены, ограду, столбы, пощадил только дерево, словно решили оставить мне хоть что-то на память: то, что было так дорого моему сердцу.

Всякий раз, как я попадаю на рынок, я намеренно иду сюда, в тень единственного дерева, где меня охватывает и сжимает в своих объятиях неизъяснимая нежность, заставляя на какое-то время забыть под сенью его ветвей и... вдыхать ароматы прошлых лет, ароматы детства и юности. И лицо Васмии встает перед моим внутренним взором.

* * *

Дом был большим с квадратным двором, в центре которого находился колодец со стоящим на его краю ведром. Сколько раз оно падало в воду. Сколько раз опасно раскачивалось, готовое рухнуть, когда в игре кому-то из нас удавалось одолеть другого, и мы задевали ведро, и Васмия выхватывала его из колодезной пропасти.

Вокруг колодца земля всегда была влажной от воды, капавшей из ведра, и мы сеяли там немного овса. Мой овес рос быстрее. Васмия сердилась, но потом успокаивалась и даже убеждала меня:

- Твой овес растет быстрее и выше, потому что ты - мальчик и ты выше меня.

Я начинал дурачиться:

- А что, правда, я больше тебя?

Она подходила, прислонялась ко мне плечом, и я чувствовал неопишемую радость.

Васмия прижималась сильнее и продолжала настаивать:

- Смотри... Смотри... Ты выше.

Каждый раз я заставлял ее приблизиться и прижаться плечом ко мне. В эти мгновения я испытывал неизъяснимый восторг.

К главному двору, с трех сторон окруженному вьющимися кустарниками, примыкали дворики поменьше. Они служили кухнями: одна была большая - ее использовали по праздникам. Другая - поменьше: здесь мать Васмии готовила в обычные дни. И оттуда до меня доносились ароматы различных солений и маринадов. Я пускался на хитрости, чтобы подоспеть ко времени обеда, и тогда мать Васмии подходила ко мне и говорила:

- Возьми, Абдалла. Сегодня пообедайте с матерью тем, что я приготовила.

Я радостно прижимал к груди горшок с едой, даже не замечая, какой он горячий; и мчался домой, чтобы поскорее попробовать то, что сегодня будет есть Васмия. Но перед тем как уйти, я никогда не забывал наполнить для матери Васмии миску с песком, которую я ставил возле мойки на кухне, и выбрать из него камешки, чтобы она не поцарапалась, когда будет натирать кастрюли. Она всегда меня благодарила и всякий раз повторяла, что я умный и добрый мальчик. Из кухни она отправлялась в хлев. Вдоль его восточной стороны тянулся большой загон, в котором содержалась домашняя птица. Некоторые виды были весьма экзотичны: отец Васмии привез их из поездов по Индии и Ирану. Гуси. Утки. Серые и белые либо серо-белые с вкраплением черного цвета. Много кур. Петухи, которые временами то дрались, то вполне мирно сосуществовали, то громко кукарекали, соревнуясь друг с другом, чтобы привлечь хохлаток. Сколько раз они щипали нас за руки своими разноцветными клювами, когда мы пытались дернуть их за «бородку». Бедняги не понимали, за что мы с Васмией их так не любим. А горделивый и надменный павлин... Стоило ему увидеть, что мы с Васмией отдыхаем возле изгороди загона, как он тут же раскрывал свой великолепный хвост, словно хотел лишить нас заслуженного отдыха после сбора куриных яиц для мамы Васмии, которая в знак благодарности за помощь всегда говорила мне:

- Возьми, Абдалла. Пусть мама что-нибудь приготовит тебе из них.

Меня охватывала радость. Куриные яйца - редкость в нашем с мамой меню! А я так их любил! И я бежал домой. И сколько же раз я второпях спотыкался и падал, разбивая эти драгоценные яйца и принося маме вместо них «болтуню», залитую моими горячими слезами.

Однажды Васмия вышла вслед за мной и увидела, как я склонился над разбитыми яйцами и слизывал прямо с земли их желток, смешанный с дорожной пылью и обильно сдобренный солью моих слез. Она подняла мою голову и пожурила меня так ласково, что я до сих пор не могу этого забыть:

- Ну, зачем ты, Абдалла, ешь эту грязь?

Я смутился, а она взяла меня за измазанный подбородок и краешком своего платка вытерла мне лицо. Потом вернулась со мной в дом и все рассказала матери.

Та посетовала, потрепала меня по волосам, чуть-чуть попрекала мне и вручила в качестве компенсации корзинку, в которой лежали яйца, сливочное масло и немного сладостей.

Вот так Васмия!

Какая же мать ее добрая, великодушная и щедрая!

А ее отец. Он постоянно плавал где-то по морям-океанам. Постоянно отсутствовал, но когда возвращался, прежде всего расспрашивал про мою мать. Однажды я шел с ней по улице и встретил Васмию, шею и руки которой украшали ожерелья и браслеты. Васмия спросила:

- Красивые?

Я прошептал:

- Ты красивая.

Она воскликнула:

- Да не я... Браслеты.

Я согласно покачал головой. Мне нравились ее восклицания. Я поиграл ее браслетами и ожерельем и подтвердил:

- Красивые.

Она в шутку спросила:

- Если бы ты был девочкой, то носил бы такие же.

Я возмутился:

- Я мужчина и вовсе не желаю становиться девочкой.

- Ты не любишь девочек?

От ее вопроса у меня заныло сердце, но я ответил:

- Почему? Мне нравятся девочки.

Она рассердилась:

- Что, все девочки?

Я смотрел прямо в ее черные блестящие глаза. Сказать ей? Или посердить еще? Ведь мы были еще детьми. Васмия любила меня и знала, что я ее тоже люблю. Однако она настойчиво спрашивала:

- Ты любишь меня?

- ...

- Так ты любишь меня?

Немного подумав, я протянул:

- Ну, немного.

Она ударила меня по руке:

- Врунишка, ведь ты как-то сказал, что «умрешь за меня».

Да, умру...

И я умирал, когда ее нежная смуглая ручка в колечках-«неделька» теребила мою руку, и ее пальцы переплетались с моими. Она потирала их кончики, и звучал ее теплый грудной голос. Очень особый. Он имел цвет и запах. Разливался, занимая все пространство. Парил в вышине, как птица, и опускался, чтобы угнеститься в моем сердце.

В западной части скотного двора было сложено много красивых резных дверей, привезенных отцом Васмии из Индии, которые он потом продавал. Здесь были также сундуки, статуэтки, картины. Все они лежали под деревянным навесом, предохранявшим их от дождя. Навес был покрыт слоем битума, который летними днями плавился, и мы жевали его, как жвачку, до черноты на зубах.

Мы бегали наперегонки, играли с другими детьми в прятки. Иногда к нам присоединялся Фахд, брат моей подружки. Он не любил меня. И вот как-то раз мы с Васмией спрятались за одной из дверей и, чтобы нас никто не увидел, тесно прижались друг к другу. Тут появился Фахд. Увидев нас, стоявших так близко друг к другу, он пришел в бешенство. Схватив Васмию за косу, он швырнул ее на землю и начал бить. Я закричал. На мой крик прибежала их мать выяснять, что случилось. В свое оправдание Фахд воскликнул:

- Она играла с Абдаллой в «жениха и невесту».

Но мать не поверила ему и дала Фахду подзатыльник:

- Лжец. Васмия и Абдалла разумные дети и не сделают ничего плохого.

Эта картина так и стоит у меня перед глазами: взор мой блуждал по небесам, и я, забыв рыдавшую горячими слезами Васмию в испачканном грязью платье, весь растворился в мечтах. Что-то легкое и воздушное поднимало меня ввысь. Сердце мое трепетало: неужели я действительно когда-нибудь стану женихом, а Васмия - невестой?

* * *

Мы с Васмией были очень разные.

Она - девочка из зажиточной семьи. Я же - сын «надомницы» Марьюм.

Ее отец - крупный коммерсант, путешествующий по белу свету и возвращающийся домой с товарами и подарками. А моего отца никто уж и не помнит. Умер, оставив меня сиротой.

Васмия жила в большом, просторном доме. А мы с моей мамой снимали комнатку в одном из доходных домов и спали в одной шаткой кровати.

Мать Васмии знатного рода. Моя же ходила со своей корзинкой по домам. Иногда я сопровождал ее, неся второй короб или миску с оладьями, которые она пекла и продавала. Я бывал во всех домах, видел всех мам и дочек. Но мне нравился дом Васмии, ее мать и она сама. Часто я проводил с мамой весь день в их доме. Я наблюдал, как она помогает матери Васмии стирать. Она терла и отжимала белье, и капельки пота падали в воду, смешиваясь с мылом. Мы с Васмией крутились вокруг нее, взбивая в пену мыльный порошок. Потом я дул на руки, и по комнате разлетались переливающиеся мыльные пузыри. При этом я старался направить их в лицо Васмии. Мыло попадало в глаза и начинало щипать. Васмия терла их, и ее прекрасные глаза наполнялись слезами. Мама ругала меня, хотя Васмия не жаловалась.

- Мальчишка! Щенок. Ты повредишь девочке глаза, разрази тебя Господь!

Васмия защищала меня:

- Не надо. Не ругайте его.

Мать отжимала очередную порцию белья и говорила: - Отчего же не ругать. Он так и сделает своей госпоже. Моей госпоже?

Почему?

Мать всегда так говорила, и я не понимал почему.

Какая такая госпожа.

Мама и мать Васмии звала «тетушкой» - госпожой и велела мне ее тоже так называть, когда отправляла меня отнести ей что-нибудь или что-нибудь от нее принести.

Голос Васмии, встававшей на мою защиту, ласкал слух:

- А я ему не госпожа. Абдалла - мой брат.

Я был счастлив.

Победа была за мной.

Я продолжал играть с Васмией. Мы бегали наперегонки, срывали плоды дикой сливы со свисающих ветвей. В такие мгновения я забывал, что Васмия - моя «госпожа», что она - дочь знатных родителей, а я - сын Марьюм. Я забывал все. Мы были, хоть и разными, но еще детьми - два чистых, невинных сердца, наполненных безгрешной небесной любовью.

*Перевела с арабского
Е.В. КУХАРЕВА*